

В последнее время Сергею снился один и тот же сон. И что самое интересное, этот сон приходил к нему только в тайге, когда Сергей ночевал в своей охотничьей избушке. Дома, в городе, снились совсем другие сны, но стоило только уйти в тайгу и там заночевать, как ночью повторялось всё сначала. И оттого Сергей испытывал некоторую тревогу: каждый раз, просыпаясь среди ночи, долго сидел на нарах, курил и, подбросив пару поленьев в печку, долго смотрел на разгорающийся огонь. Когда опять ложился спать, то иногда этот же сон приходил снова.

А снилось всегда одно и то же: как будто Сергей лежит на нарах в своей избушке и слышит нарастающий рокот трактора. Сергей открывает дверь, на улице темно, а из распадка медленно выползает чёрный трактор и, включив фары, направляется прямо к избушке. Лучи света мечутся из стороны в сторону и попадают на открытую настежь дверь, бьют по глазам, а грозный трактор всё ближе и ближе... В этом месте Сергей всегда просыпается. Долго сидит и тревожно прислушивается к шуму ветра в кронах деревьев.

Почему именно этот тревожный сон приходит к нему каждый раз, он не понимал, но где-то в глубине сознания всё же догадывался. Когда Сергей приехал на берега Ангары строить новый город, всё ещё было по-другому. В окружающей новостройку тайге не так заметны были перемены. Было ещё терпимо. Но город рос как на дрожжах. За годы такого тут понастроили, что затрещала окрестная тайга. Построили ГЭС, ЛПК, и сам город расстроился во все стороны. Во всех направлениях тайгу прорезали дороги, многочисленные леспромхозы пластали ангарскую сосну почём зря. Жить в новом городе стало просто неинтересно. Исчезла романтика первостроителей. Комфортабельная городская жизнь постепенно и незаметно превращала человека в обыкновенного обывателя. Город стал таким, каких множество на просторах огромной страны. И ничем уже Усть-Илимск не отличался, например, от какого-нибудь Тамбова или Воронежа. Уклад жизни стал таким же, как во всех остальных городах. Скукота!

И Сергей уже подумывал, не пора ли двигать дальше. Туда, где ещё не так проникла эта пресловутая цивилизация. А такие края были на просторах Сибири, Севера и Дальнего Востока. Вот там действительно романтика! Новые места, всё опять с нуля, и тайга там почти не тронутая. Дома по вечерам Сергей водил пальцем по карте, мысленно выбирая точку, куда бы ему стоило податься. Таких мест, слава Богу, ещё хватало, особенно к северу от обжитых уже ангарских берегов.

И однажды этот навязчивый сон почти сбылся. Как-то рано утром вышел Сергей из избушки, погода ясная, уже иней на траве и деревьях, слышимость была отличная. И вдруг издалека послышался непонятный звук. Какой-то стук, как будто бревно о бревно ударилось, и что-то монотонно визжало. Сергей прислушался и уловил чутким ухом тракторное та-рахтенье и надрывное и занудное жужжание бензопил.

— Ну вот, дождался! — мрачно сказал сам себе Сергей и задумался. — До них километров пять. Интересно, в какую сторону идут? — размышлял Серёга. — Зацепят ли они меня, мою избушку?

Прошло несколько месяцев, и звуки доносились всё ближе и ближе. И так всю зиму. А когда весной Серёга после некоторого перерыва опять пришёл в свою избушку, то был просто поражён. В трёхстах метрах от зимовья проложена широкая наезженная дорога. Прорублена широченная просека. Кругом гудят трактора, и вахтовки привозят целые бригады рабочих. А дорога уже ушла мимо за горизонт. Вокруг зимовья все сосны были обвешаны воронками, пришли вздымщики, началась подсочка. Вновь образованный химвесхоз захватил всю территорию.

— Ну вот и всё, — сказал сам себе Сергей, — пора увязывать котомку.

Он с грустью посмотрел на свою избушку и вздохнул. Таёжное жилище среди вырубленной тайги и рядом с дорогой, по которой туда-сюда сновали машины, выглядело как инородное тело. Никому теперь не нужное, оно сиротливо прилепилось к склону сопки.

— А мы уйдём на север! — почему-то вспомнил Сергей фразу из мультфильма о Маугли.

Ночевать в избушке он не стал. А через год Сергей собрал котомку и уехал. Дальше на север.